

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.8>

UDC 321.01:327.57

LBC 87.251:66.061.44

THE PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF PEACEMAKING: PROLEGOMENA TO THE PROBLEM

Aleksandr S. Lunkov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article formulates some preliminary remarks to the study of peacekeeping and peacemaking activity sphere from the point of view of science and philosophy. Peacekeeping activities maintain peace and counter of the escalation of military conflicts both on the international scene and within a society. The formulation of the philosophical foundations of peacemaking is relevant because this activity should be based on clear philosophical and scientific ideas of the peace and war phenomena. This, in turn, is impossible without the analysis of the system of knowledge and examples of specific activity which has already developed in this sphere. In view of the fact that the number of philosophical and scientific ideas of war and peace is huge, it is necessary to classify them for further analysis. The classification criterion is affiliation to a particular class of philosophical foundations of science: ontological, epistemological, axiological, logical, methodological, and linguistic. The initial step to achieving this goal is to determine the characteristics of the philosophical foundations of peacemaking as a possible scientific discipline. Thus it will become possible to achieve the unity of the specific content of the empirical, theoretical and metatheoretical levels of scientific knowledge with philosophy and implement their inclusion in culture. This is impossible without the involvement of the intellectual elite and the broader educated public in peacekeeping activity. The success of this largely depends on the awareness of social actors of the importance of their own involvement in the peace or anti-war. No matter how insignificant the role of the individual subject seems at first glance.

Key words: peacemaking, the philosophy of war, the philosophical foundations of science, war, peace.

УДК 321.01:327.57

ББК 87.251:66.061.44

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОТВОРЧЕСТВА: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОБЛЕМЕ

Александр Сергеевич Луньков

Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье формулируются предварительные замечания к исследованию сферы миротворческой деятельности с точки зрения науки и философии. Миротворческая деятельность направлена на поддержание мира и противодействие эскалации военных конфликтов как на международной арене, так и внутри конкретного общества. Формулировка философских оснований миротворчества актуальна потому, что эту деятельность необходимо базировать на четких философских и научных представлениях о феноменах мира и войны. Это, в свою очередь, невозможно без анализа системы уже выработанного в этой сфере знания и примеров специфической практической деятельности. Ввиду того что количество философских и научных идей по поводу войны и мира огромно, необходимо классифицировать их для дальнейшего анализа. Критерием классификации является их принадлежность к определенному классу философских оснований науки: онтологическим, гносеологическим, аксиологическим, логическим, методологическим и лингвистическим. Первым шагом на пути к достижению данной цели является определение особенностей философских оснований миротворчества как возможной научной дисциплины. Тем самым станет возможно достичь единства конкретного содержания эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней научного знания с философией и осуществить их включение в культуру. Без этого представляется невозможным вовлечение интеллектуальной элиты и широких слоев образованной общественности в миротворческую актив-

ность. Успех здесь во многом зависит от степени осознания социальными субъектами важности собственной вовлеченности в процесс поддержания мира или противодействия войне, сколь бы незначительной на первый взгляд ни казалась роль в этом отдельного субъекта.

Ключевые слова: миротворчество, философия войны, философские основания науки, война, мир.

Война во все времена играла важную роль в жизни общества. Поэтому результаты осмысления этого феномена занимали значимое место в мировоззренческих принципах, религиозных положениях, философских концепциях и научных теориях. При этом миротворческая деятельность, то есть активность, противоположная разжиганию и поддержанию войны, часто оставалась за скобками этих познавательных усилий. Однако современная ситуация настоятельно требует от общества, государства и конкретного человека целенаправленных действий по поддержанию мира или противодействию эскалации военных конфликтов. Успех здесь во многом зависит от осознания индивидом и социальными группами важности собственной вовлеченности в процесс поддержания мира или противодействия войне, сколь бы незначительной на первый взгляд ни казалась роль в этом отдельного субъекта. Это тем более важно потому, что в мировоззрении современного человека чаще всего присутствуют только обыденные или политические представления о мире и войне. И если определение войны из этих разрозненных представлений еще как-то выводится, то понятие мира чаще всего формулируется апофатически как «отсутствие войны». Но в таком случае понятие мира оказывается «пустым множеством», простой логической уловкой сознания, у которого отсутствует пригодный категориально-понятийный инструмент для освоения социальной действительности. Поэтому субъект раз за разом оказывается заложником различного рода риторики, софистики и мифологии, дающих конъюнктурные «определения» понятий мира и войны. Разумеется, что все это довольно далеко от философской и научной работы с понятием и феноменом. Категориальная неясность влечет за собой паралич деятельности или, хуже того, активность из серии «хотели как лучше...».

Следует отметить, что большинство важных современных социальных процессов и явлений тесно связано с уровнем развития науки и с широтой философских обобщений

знаний, полученных различными видами познавательной деятельности. Но первое, как и второе, бессмысленно без включения результатов познавательного процесса в социальную практику и культуру. Успешное и, главное, массовое приобщение социальных субъектов к этим знаниям невозможно без взаимодействия философии и науки. По мнению известного российского философа В.С. Степина, «включение научного знания в культуру предполагает его философское обоснование. Оно осуществляется посредством философских идей и принципов, которые обосновывают идеалы и нормы и онтологические постулаты науки» [9, с. 20]. На наш взгляд, миротворчество как социальная и политическая практика должно получить серьезный научный и философский теоретический фундамент. Это необходимо потому, что война давно уже является предметом многоаспектных научных и философских исследований, тогда как миротворчество хоть по факту и опирается на определенные научные теории, но систематической научной и философской разработки пока не получило. Исходя из этого актуальной является проблема осмысления философских оснований науки как формы знания.

Философские основания науки – это форма научного знания метатеоретического уровня. Это означает, что наряду с научной парадигмой, общенаучными принципами и научной картиной мира философские основания науки формируют сам облик научной деятельности данной эпохи, специфику отношений исследователя к объекту исследования и к результатам собственной познавательной активности. Сама природа указанных форм научного знания предполагает прямое взаимодействие философских и научных идей. «В философские основания науки входят также философские идеи и принципы, которые обеспечивают эвристику поиска. Эти принципы обычно целенаправляют перестройку нормативных структур науки и картин реальности, а затем применяются для обоснования полученных результатов – новых онтологий и новых

представлений о методе» [9, с. 20–21]. Конкретно-исторически это всегда выражается во влиянии концепций тех или иных философских школ и направлений на науку и в то же время научных открытий на философию. Значимость анализа и корректировки философских оснований науки имеет двойную обусловленность. С одной стороны, «ученые всегда работают на основе некоторых философских предпосылок, и, хотя многие из них могут не осознавать этого, эти предпосылки в действительности определяют их общую позицию в исследовании» [1, с. 11]. Это замечание французского физика Леона Бриллюэна относительно роли философских принципов в естествознании с полным основанием можно отнести и к сфере социально-гуманитарных наук. В этой отрасли научного знания влияние философии на науку имеет еще более выраженный характер, чем в дисциплинах, занятых изучением природы.

С другой стороны, философия является неотъемлемой частью системы воспроизводства культурных ценностей, социальных практик и формирования мировоззрения человека. Эта система воплощена в современном обществе в институте массового образования, средствах массовой коммуникации и т. д. Даже если конкретный индивид не осознает свою принадлежность к тому или иному философскому направлению в плане понимания мира и своего места в нем, то последовательное выявление и анализ базовых элементов его мировоззрения позволит соотнести последнее с той или иной философской концепцией. Поэтому и отношение человека к таким феноменам, как мир и война, восходит к определенным культурным традициям и философским идеям, воспринимаемым чаще всего некритически в процессе социализации. И если культурные традиции корректировать достаточно сложно и трудоемко, то философская основа мировоззрения, на наш взгляд, более восприимчива к изменениям, если эти новшества опираются на результаты работы с фундаментальными понятиями, которые актуальны для социума. Этому способствует потенциал философии по формированию критического и рефлексивного мышления, благодаря которому человек оказывается способен анализировать и корректировать собственные действия в социальном пространстве.

Оба этих факта подчеркивают чрезвычайную важность и актуальность проблемы философских оснований миротворчества. Их исследование должно проходить по трем основным путям:

Во-первых, необходимо проанализировать современную теорию и практику миротворчества на предмет выявления и систематизации философских оснований этой деятельности. Представляется несомненным тот факт, что большинство конкретных действий, предпринимаемых различными международными организациями, политическими деятелями и другими субъектами, в рамках миротворческого процесса имеют под собой научную основу, которую вырабатывают ученые-эксперты, представители различных научных дисциплин. Данная экспертная деятельность институционализована в форме различных учреждений частного, государственного и смешанного типов. Поэтому истоки многих политических и общественных инициатив в области поддержания мира и деструкции вооруженных конфликтов следует искать именно в формах научного знания метатеоретического уровня, которые являются частью мировоззрения субъектов этих экспертных сообществ. Здесь окажется востребованным методологический арсенал, выработанный в последние десятилетия в рамках такого направления теории познания, как социальная эпистемология. Его представители выделяют в качестве основного источника знания социальные условия познания, тогда как объект и субъект познания, по сути, сводимы к определенным социальным конструктам, принадлежащим определенной эпохе [8].

Во-вторых, изучение истории философской мысли по поводу феноменов войны и мира позволит сформировать общее представление об уровне философского осмысления данных явлений. При этом систематизация и классификация идей и концепций послужат фундаментом для выработки методологического арсенала формирования философских оснований науки и конкретным наполнением этого уровня научного знания. Однако сложность здесь заключается в том, что массив идей, выработанных философией за три тысячи лет своего существования, огромен. Как отмечает В.С. Степин, «неотжественность философ-

ких оснований науки всему многообразию идей, возникающих при разработке мировоззренческой проблематики в сфере философского познания, означает, что философия в целом обладает определенной избыточностью содержания по отношению к запросам науки каждой исторической эпохи. При решении философией мировоззренческих проблем вырабатываются не только те наиболее общие идеи, принципы и категориальные смыслы, которые являются предпосылкой освоения объектов на современной ей стадии развития науки, но и формируются категориальные схемы, значимость которых для науки обнаруживается лишь на будущих этапах эволюции познания» [9, с. 22]. Исходя из этого можно заключить, что философия уже выработала часть идей, необходимых для решения современных проблем войны и мира. Следовательно, становится возможным использовать уже имеющееся философское знание в качестве философских оснований научно обоснованной деятельности в сфере миротворчества (в идеале – новой научной дисциплины). Поиск же недостающих элементов этой мозаики является актуальной задачей современной философии.

Наконец, в-третьих, необходимо продолжать философское осмысление современного состояния феноменов войны и мира и их значения для индивида и общества. Итогом этой работы должна стать «формулировка вопроса», обозначение области незнаемого, актуализация определенной предметной области для науки. Этот новый специфический ракурс рассмотрения проблем войны и мира должен попасть в сферу внимания субъектов научной деятельности, стать частью их парадигмы мышления. Если вслед за Т. Куном понимать научную парадигму как пример постановки и решения научных проблем [5, с. 11, 28–29], то философское познание должно создать условия для постановки такой проблемы. Сама структура «задаваемого вопроса» предполагает наличие определенного знания о незнаемом, которое и должна выработать философия. Мы согласны с идеей В.С. Степина, что «работая на двух взаимосвязанных полюсах – рационального осмысления наличных мировоззренческих структур культуры и проектирования возможных новых способов понимания человеком окружающего мира (но-

вых мировоззренческих ориентаций), философия и выполняет свою основную функцию в динамике социокультурного развития. Она не только объясняет и идеологически обосновывает те или иные наличные способы мировосприятия и мироосмысления, уже сложившиеся в культуре, но и готовит своеобразные “проекты”, предельно обобщенные теоретические схемы потенциально возможных мировоззренческих структур, а значит, и возможных оснований культуры будущего» [9, с. 24]. И далее: «в этом процессе как раз и генерируются те избыточные для науки той или иной исторической эпохи категориальные схемы, которые в будущем могут обеспечить понимание новых, более сложных, по сравнению с уже изучавшимися, типов объектов» [9, с. 24].

Говоря военным языком, усилия на этих трех сходящихся направлениях должны привести к кульминации всей «стратегической» философской работы – созданию философских оснований теории и практики миротворчества. В современной отечественной философии науки сложилось определенное представление о структуре этих оснований. Чаще всего среди них выделяют онтологические, гносеологические, аксиологические, логические, методологические и лингвистические основания.

К онтологическим основаниям миротворчества можно отнести систему представлений о природе и сущности феноменов войны и мира, характере их детерминации, их институционализации в социуме и отношении между ними на разных исторических этапах. Представляется, что данный аспект проблемы привлекал и продолжает привлекать большое внимание философов и ученых. О природе войны и ее законах писали как гражданские, так и военные мыслители, и могло сложиться впечатление, что все в этом вопросе уже сказано. После появления чеканной формулировки К. фон Клаузевица, что война – это продолжение политики другими средствами [4, с. 39], было достаточно мало попыток переосмыслить природу этого явления. Связь войны и политики неоспорима, однако сам характер этой связи исторически меняется. Например, современный немецкий философ Х. Хофмайстер определяет войну как бессилие политики [10, с. 99–100, 110], как феномен, кото-

рый способен навязать политике и всему обществу собственные законы. За примерами нет нужды далеко ходить – и идеология «тотальной войны» Э. фон Людендорфа [6, с. 327], и современная практика «террористической войны» являются результатами бессилия политических институтов в поддержании мира. Еще более сложной, на наш взгляд, является проблема мира. Данное понятие трактуется как «отношения между народами, государствами, социальными группами внутри отдельных стран, характеризующиеся отсутствием войны, вооруженной борьбы, основанные на проведении политики без прямого вооруженного насилия. Прочный мир предполагает не только отсутствие войны... но и широкое разностороннее сотрудничество государств, других субъектов мировой политики...» [2, с. 560]. В понимании данного феномена в XX в. сложились две основные концепции – концепция «негативного мира», то есть мира как отсутствия войны, и концепция «позитивного мира», рассматривающая его альтернативой не войне, а любому насилию и несправедливости. Все эти подходы вынуждены опираться на категориальные оппозиции «мир – война», «мир – насилие» и т. д. Однако определение одного видового понятия через другое не добавляет ясности к пониманию природы и сущности явления мира. И, наконец, очевидно, что понимание мира, как и войны, исторично и социокультурно обусловлено. Поэтому исследования в данной области всегда будут актуальны.

В рамках гносеологических оснований миротворчества прежде всего необходимо решить вопрос о критериях истинности знания, которое ложится в основу конкретных миротворческих усилий. И дело здесь не только в правдивости сведений политического, стратегического, экономического и другого характера, которыми обладает субъект миротворчества. Речь идет об истинности наших представлений о самих феноменах войны и мира и их взаимодействии. В первом приближении можно сказать, что наиболее подходящими здесь являются прагматическая и конвенциональная концепции истинности знания. Практика, а точнее адекватность и успешность практики, миротворчества является тем мериллом, на которое следует

ориентироваться. Конвенционализм же играет большую роль в данной проблеме потому, что структура политической реальности является во многом следствием «договоренности» между субъектами политики. Так, например, бой заканчивается только тогда, когда проигравший *соглашается* с той реальностью, которую ему навязывает противник, *соглашается* со своим поражением. Этот факт был четко осмыслен военными психологами еще в начале XX века [3, с. 164–165]. Мир тоже результат соглашения сторон, что фиксируется в формулировках мирных договоров.

Исследование логических оснований данной сферы деятельности подразумевает выявление основных принципов выведения базовых понятий и правил логических операций с ними. Это тем более важно, что в современности происходит целенаправленное искажение понятий мира и войны в угоду сиюминутным политическим целям. На понятии войны вообще лежит своего рода табу в политическом лексиконе, особенно когда речь идет об оценке политиками собственных действий. Соответственно нарушается логика работы с понятием вплоть до оруэлловского тезиса, что «война – это мир, мир – это война». И речь здесь идет отнюдь не о диалектическом взаимодействии этих категорий. Налицо попытка создания «двойных логических стандартов», когда в угоду конъюнктуре может меняться логика рассуждений и смысл самих понятий. Для научного и философского мышления это недопустимо, иначе продуцируемое экспертным сообществом знание будет бессмысленно и ложно.

Методологические основания миротворчества должны включать в себя систему знаний как о методах достижения истинного знания, так и о методах конкретной деятельности по реализации теорий на практике. Необходимо изучить методологический «багаж», накопленный такими дисциплинами, как политология, социология, экономика, психология и т. д., используемый или подходящий для целей миротворческой деятельности. Это позволит выявить общие черты и характер этих методов и выработать представление об обобщенной методологии миротворчества. Здесь также возможно использовать прямые аналогии с научной деятельностью

в традиционном понимании, так как, например, переговоры о мире или урегулировании конфликта являются примером уникального эксперимента с чрезвычайно высокой аксиологической нагрузкой. Ответственность «исследователя» в таком случае максимальна, поэтому методологии необходимо уделять большое внимание.

Возможно, наибольшую общечеловеческую значимость имеют аксиологические основания знания о войне и мире. Война во все времена была связана с предельными основаниями бытия человека и общества, поэтому оценка этого явления играет большую роль в мировоззрении человека. При наличии у субъекта развитого ценностного сознания мы можем от обыденно-житейской оценки войны как блага или зла в зависимости от жизненных обстоятельств («кому война, а кому мать родна») перейти к более глубокому пониманию этого явления и своего места в нем. История философии дает нам большое количество примеров того, что война и мир оценивались более разнообразно, чем это принято считать. Понимание войны как блага, хоть и специфического, позволяет выявить причины, почему люди и общества к ней стремятся. Война, как и другие ценности, может удовлетворять определенные материальные и духовные потребности общества. Поэтому создание социальной системы, удовлетворяющей или купирующей эти потребности, будет одним из шагов к миру без войн.

Лингвистические основания миротворчества включают в себя как элементы дискурса, так и представления о связях между особенностями конкретных языков и языковых культур с пониманием феноменов войны и мира. Дискурс-исследования, в том числе политического дискурса в рамках международных отношений, дискурса вражды и т. д., довольно актуальны в современной науке [7]. Нарботана обширная методология дискурс-анализа, есть сложившиеся научные школы международного масштаба. Однако до сих пор неохваченным остается большой массив фактов, тем более данная предметная область очень динамична и постоянно меняется. Крайне актуальным представляется изучение связи между особенностями языка и восприятием явлений войны и мира. Возмож-

но, в этом кроются некоторые ключи к решению проблемы воинственности и миролюбивости народов и культур.

Это далеко не полный ряд вопросов, стоящих перед учеными и философами в рамках создания философских оснований миротворчества. Поиск ответов является задачей специалистов различных наук, экспертов, философов, политиков и общественных деятелей. Даже «обычный» человек может стать субъектом этой познавательной работы. Однако подлинной проверкой выдвинутых идей может быть только практика, успешная практика миротворчества и поддержания мира. Без этого все теоретические построения окажутся чисто умозрительными и оторванными от социальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация / Л. Бриллюэн. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.
2. Военный энциклопедический словарь. – М. : Эксмо, 2007. – 1024 с.
3. Головин, Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека и бойца / Н. Н. Головин // Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. Кн. 2 : статьи и письма. – М. : ВАГШ РФ, 1995. – С. 9–206.
4. Клаузевиц, К. фон. О войне / К. фон Клаузевиц. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 864 с.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.
7. Русакова, О. Ф. Критический дискурс-анализ / О. Ф. Русакова, Е. В. Ишменев // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – С. 39–53.
8. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2010. – 712 с.
9. Степин, В. С. Основания науки и их социокультурная размерность / В. С. Степин // Научные и вненаучные формы мышления. – М. : ИФ РАН, Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996. – С. 8–26.
10. Хофмайстер, Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Х. Хофмайстер. – СПб. : Гуманитарная Академия, 2006. – 288 с.

REFERENCES

1. Brillouin L. *Nauchnaya neopredelennost i informatsiya* [Scientific Uncertainty and Information]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 272 p.
2. *Voennyi entsiklopedicheskiy slovar* [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 1024 p.
3. Golovin N.N. Issledovanie boya. Issledovanie deyatelnosti i svoystv cheloveka i boytsa [Study of the Battle. Research of the Activity and Properties of Man and a Fighter]. *Issledovanie boya. Issledovanie deyatelnosti i svoystv cheloveka kak boytsa. Kn. 2: Statyi i pisma* [Study of the Battle. Research of the Activity and Properties of Man as a Fighter. Book 2. Articles and Letters]. Moscow, VAGSh RF Publ., 1995, pp. 9-206.
4. Clausewitz C. *O voyne* [On War]. Moscow, Eksmo Publ.; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003. 864 p.
5. Kuhn Th. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.
6. Ludendorff E. *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg.* [My War Memories 1914–1918]. Moscow, AST Publ.; Minsk, Kharvest Publ., 2005. 800 p.
7. Rusakova O.F., Ishmenev E.V. Kriticheskiy diskurs-analiz [Critical Discourse Analysis]. *Sovremennye teorii diskursa: multidistsiplinarnyy analiz* [Modern Discourse Theories: Multidisciplinary Analysis]. Ekaterinburg, Diskurs-Pi Publ., 2006, pp. 39-53.
8. Kasavin I.T., ed. *Sotsialnaya epistemologiya: idei, metody, programmy* [Social Epistemology: Ideas, Methods, Programs]. Moscow, Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2010. 712 p.
9. Stepin V.S. Osnovaniya nauki i ikh sotsio-kulturnaya razmernost [The Foundations of Science and Their Socio-Cultural Dimension]. *Nauchnye i vnenauchnye formy myshleniya* [Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking]. Moscow, IF RAN Publ., 1996, pp. 8-26.
10. Hofmeister H. *Volya k voyne, ili Bessilie politiki. Filosofsko-politicheskiy traktat* [The Will to War, or The Impotence of Politics: A Philosophical and Political Tractate]. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2006. 288 p.

Information About the Author

Aleksandr S. Lunkov, Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Sofyi Kovalevskoy St., 16, 620990 Ekaterinburg, Russian Federation, istorik1981@mail.ru.

Информация об авторе

Александр Сергеевич Луньков, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, Институт философии и права УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Российская Федерация, istorik1981@mail.ru.